

А.Н. Острогорский

Образование и воспитание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Н. Острогорский**
Образование и воспитание / А.Н. Острогорский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 124 с.

ISBN 978-5-517-82997-9

Образование и воспитание.

ISBN 978-5-517-82997-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Образованіе и воспитаніе.

I.

Слова образованіе и воспитаніе едва-ли могутъ быть признаны по своему значенію вполне опредѣленными. Понятія, которыя съ ними связываются у различныхъ писателей, отнюдь не тождественны, и даже, читая одного какого-нибудь автора, вы часто чувствуете, что онъ употребляетъ эти два термина совершенно произвольно, то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ, повидимому, замѣняя одно другимъ, только для того, чтобъ избѣжать повтореній. Воспитаніемъ называютъ воздѣйствіе и на всего человѣка, на всю личность съ ея разумомъ, чувствомъ и волею, и въ частности на какую-либо одну душевную область (воспитаніе ума, воспитаніе воли и т. д.); воспитаніемъ же называютъ приученіе человѣка къ обыденнымъ формамъ общежитія (вѣжливости, сдержанности, соблюденію приличій и т. п.). Различаютъ воспитаніе въ широкомъ смыслѣ слова и воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ. Говорятъ одинаково о воспитаніи умственномъ, нравственномъ и физическомъ. Такое же разнообразное примѣненіе имѣетъ и слово образованіе, хотя чаще всего, употребляя его, имѣютъ въ виду умственную сферу. Однако говорятъ и о физическомъ и нравственномъ образованіи, разумѣютъ и процессъ (образованіе привычекъ, склонностей) и результатъ

(получить среднее или высшее, общее или профессиональное образование).

Все это свидетельствует, какъ о томъ, что самыя понятія образования и воспитанія строго не опредѣлены, такъ и о томъ, что педагогія пользуется въ сущности крайне бѣдною терминологіею, потому что формъ и сферъ воздѣйствія во всякомъ случаѣ болѣе двухъ. Общеупотребительный языкъ въ этомъ отношеніи гораздо богаче: онъ владѣетъ большимъ запасомъ словъ, которыми спеціалисты не пользуются для своей терминологіи. Такъ человѣка называютъ умнымъ, развитымъ, свѣдущимъ, образованнымъ, просвѣщеннымъ, ученымъ, воспитаннымъ, дисциплинированнымъ. и т. п. И, само собою разумѣется, языкъ не даромъ ввелъ въ свое употребленіе такое обиліе словъ, выражающихъ видовыя понятія одного и того же рода. При родовомъ сходствѣ этихъ терминовъ, въ нихъ чувствуются различія, оттѣнки, и, можетъ быть, выяснивъ ихъ себѣ и введя ихъ въ свою терминологию, педагоги сдѣлали бы свое изложеніе болѣе опредѣленнымъ и яснымъ.

Къ сожалѣнію, матеріалъ, представляемый языкомъ, вовсе не разработанъ, по крайней мѣрѣ въ томъ направленіи, чтобы имъ было можно воспользоваться для установленія сколько-нибудь толковой педагогической терминологіи. Къ такому выводу насъ привели попытки ориентироваться въ употребленіи терминовъ *образование* и *воспитаніе* помощью справокъ въ словаряхъ академическомъ и Даля.

Что такое *образование*?

Академическій словарь отвѣчаетъ: Образование — дѣйствіе образующаго и образовавшаго. Образованный (церк)—изображенный. начертанный. Образователь: 1) образующій или образовавшій что-либо; 2) наставникъ, воспитатель. Примѣръ: Ученіе образуетъ умъ, воспитываетъ нравы.

Даль: Образовать—улучшать духовно, просвѣщать; иногда—придавать наружный лоскъ, приличное, свѣтское обращенье, что и составляетъ разницу между просвѣщать и образовывать. Примѣры: науки образовываютъ умъ и знанія, но не всегда нравъ и сердце. Ученіе образуетъ умъ, воспитаніе—нравы.

Такъ какъ Даль вслѣдъ за указаніемъ, что образовывать зна-

читать просвѣщать, говорить, что есть разница между этими словами, то мы обращаемся къ толкованію, какое онъ даетъ словамъ просвѣщать, просвѣщеніе:

Просвѣщеніе—свѣтъ науки и разума, согрѣваемый чи-тою нравственностью; развитіе умственное и нравственное силъ человѣка, научное образованіе при ясномъ сознаніи своего долга и цѣли жизни.

По академическому же словарю просвѣщеніе значитъ: 1) осіяніе свѣтомъ, 2) обогащеніе ума познаніями (напр. просвѣщать юношество).

Что такое *воспитаніе*?

Академическій словарь отвѣчаетъ: Воспитаніе: 1) вскормленіе; 2) стараніе о наученіи и образованіи дѣтей. Научать же значитъ показывать, какъ должно дѣлать что-либо, наставлять, вразумлять, руководствовать.

Даль: воспитывать—заботиться о вещественныхъ и нравственныхъ потребностяхъ малолѣтняго до возраста его; въ низшемъ значеніи—вскармливать, возвращать (о растеніи), кормить и одѣвать до возраста; въ высшемъ значеніи—научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно.

По этимъ толкованіямъ выходитъ, что воспитаніе имѣетъ въ виду дѣтскій возрастъ и вытекаетъ изъ природной слабости человѣка въ ранніе годы его жизни, и даже при употребленіи его въ болѣе широкомъ смыслѣ оно обнимаетъ не болѣе какъ житейскія, обиходныя нужды человѣка. Педагоги-писатели въ пониманіи слова воспитаніе далеко ушли отъ ограниченнаго толкованія. Они, вмѣстѣ съ иностранною педагогіею, различаютъ два значенія воспитанія. Подъ воспитаніемъ въ тѣсномъ смыслѣ они разумѣютъ то, что понимаетъ подъ этимъ словомъ и живой русскій языкъ. Подъ воспитаніемъ же въ широкомъ смыслѣ слова они разумѣютъ воздѣйствіе на нравственныя воззрѣнія человѣка, на цѣлостность и полноту его міросозерцанія, опредѣляющаго его отношенія къ Богу, природѣ и обществу. Разногласія ихъ касаются главнымъ образомъ средствъ къ достиженію воспитательныхъ цѣлей. Придаваніе слову воспитаніе двойнаго смысла порою вноситъ въ изложеніе педагогическихъ статей нѣкоторую путаницу. Можетъ быть педагоговъ слѣдуетъ

упрекнуть за отступление отъ живого языка и рекомендовать имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они говорятъ о воспитаніи въ широкомъ смыслѣ слова, употребляютъ термины: просвѣщеніе, образованіе, особенно первое, и отличать ихъ отъ обученія или просто ученія.

Педагоги въ своемъ родѣ правы. Живой языкъ употребляетъ слово воспитаніе въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ академическій. Мы говоримъ, что судъ воспитываетъ общество, про литературу говоримъ то же. Но помимо права все же остается вопросъ о практическомъ удобствѣ употребленія двухъ различныхъ терминовъ вмѣстѣ одного съ прибавкою въ тѣсномъ смыслѣ, въ широкомъ смыслѣ, которыя такъ часто приходится опускать, чтобъ не придать рѣчи неуклюжести отъ этихъ непрерывныхъ прибавокъ. Ввести въ употребленіе старинное слово просвѣщеніе представлялось бы дѣломъ полезнымъ. Живой языкъ не брезгаетъ имъ. Напомнимъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ названіи котораго нельзя не видѣть указанія на болѣе широкія задачи обученія, чѣмъ одно сообщеніе знаній. Вспомнимъ слова поэта: «вѣкъ просвѣщенія не узнаю тебя, въ крови и пламени—не узнаю тебя», показывающія, что съ просвѣщеніемъ не вяжется кровь, вражда, насиліе и проч. Поэтому совершенно уместно обратиться за справкою къ приведеннымъ нами выше цитатамъ изъ словарей.

Къ сожалѣнію, здѣсь меньше опредѣленности и точнаго разграниченія понятій мы не находимъ. Образованіе имѣетъ ли въ виду одно умственное обогащеніе или улучшеніе? Основываясь на справкѣ, можно отвѣтить и такъ, и эдакъ. Академическій словарь говоритъ, что образователь то же что воспитатель, и приводитъ примѣръ, гдѣ говорится, что ученіе воспитываетъ нравы. Даль же полагаетъ, что образованіе (вѣрнѣе: образовывать) значитъ улучшать духовно (не умственно только, но вообще духовно), но зато, то же реченіе, какое приведено въ Академическомъ словарѣ для примѣра, передаетъ иначе, и притомъ въ смыслѣ, противоположномъ его собственному опредѣленію и образованія, и воспитанія. Несмотря на эти противорѣчія, особенно пзъ сопоставленія опредѣленій образованія съ просвѣщеніемъ, вы видите, что мнѣніе Даля скорѣе за то, что образованіе

имѣть въ виду одинъ умъ, просвѣщеніе же—и умъ, и нравы. Справляясь же о просвѣщеніи въ Академическомъ словарѣ, вы находите, что онъ представляетъ себѣ дѣло какъ разъ наоборотъ: просвѣщеніе содержитъ одни познанія, образованіе же—и знаніе, и нравы.

Примѣры, приведенные нами изъ живого языка, свидѣлствуютъ, что толкованія Даля вѣрныѣ.

Надо добавить, что слово просвѣщеніе, вѣроятно, древнѣе образованія; оно происхожденія церковно-славянскаго, часто употребляется въ священномъ писаніи и, надо думать, было усвоено русскимъ языкомъ еще въ тѣ времена, когда школа наша была исключительно церковная и имѣла задачею воспитаніе юношества въ добрыхъ нравахъ посредствомъ изученія слова Божія.

Сдѣлаемъ еще одну справку: объ ученіи, учителѣ и проч.

Въ Академическомъ словарѣ читаемъ: Ученіе—1) дѣйствіе учащаго и учащагося; 2) особенный образъ послѣдовательнаго сужденія о предметахъ; система, толкъ.

У Даля: I. Учить—школить. держать строго, часто наказывая; 2) передавать знанія, умѣнія. II. Учиться—упражнять волю (напр., приучаться къ порядку). III. Ученіе—отрасль науки, образующая вѣчто цѣлое (напр., ученіе о свѣтѣ).

Словомъ, ученіе—почти все то, что дѣлаетъ учитель въ классѣ: передача знаній, передача умѣній, приученіе къ порядку, наказанія и пр. Ученикъ тоже или учится, или учитъ (учитъ урокъ). Но кромѣ того ученіе—система, толкъ, особенный образъ послѣдовательнаго сужденія о предметахъ, по мнѣнію Академическаго словаря, а по Далю—отрасль науки, образующая вѣчто цѣлое.

Примѣры изъ живого языка подтверждаютъ многообразіе значеній, приписываемыхъ слову ученіе. Говорятъ: отдать въ ученье, въ подмастерья, когда предстоитъ обучиться ремеслу, однимъ приемамъ производства. Говорятъ про ученье, когда разумѣютъ занятія учебныя: мы все учились по-немногу, чему-нибудь и какъ-нибудь. Понимается, что ученіе не всегда служитъ на пользу: ученая вѣдьма хуже неученой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слово учитель употребляется и съ болѣе широкимъ

смысломъ. Напомнимъ, что и Христа мы называемъ учителемъ, говоримъ не только ученіе о свѣтѣ, но и ученіе христіанское, т.-е. подъ ученіемъ разумѣемъ не только школьное ученіе, не только область науки, но и вѣроученіе, нравственное ученіе и проч. Отсюда и учитель—не только школьный учитель, но и каждый, у кого мы научились чему-либо, притомъ цѣльному. Такъ, Тургеневъ называлъ Пушкина свспимъ учителемъ, такъ мы называемъ себя учениками Ушинскаго, врачей—учениками Пирогова, Боткина и пр.

Такое многообразіе значеній слова ученіе, учиться, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что ученіе есть функція одного лица, учителя, въ рукахъ котораго много разнообразныхъ средствъ, который одновременно преслѣдуетъ многія цѣли: онъ приучаетъ къ полезнымъ навыкамъ и порядку, сообщаетъ знанія, возбуждаетъ наблюдательность и вниманіе, вызываетъ мышленіе, можетъ вліять на нравы, на міровоззрѣніе, словомъ, явится учителемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но, объединяясь въ одномъ лицѣ, ученіе тѣмъ не менѣе можетъ дѣйствовать на учащагося тою или другою своею стороною: придерживаясь приведенной выше терминологіи, или воспитывающею, или образовательною, или просвѣтительною.

Эта терминологія не принята въ педагогической литературѣ.

Мы не ставимъ себѣ исключительною задачею пропагандировать ту или иную терминологію, хотя и признаемъ, что установленіе однообразія въ ней было бы желательно; для насъ важнѣе самое содержаніе понятій, выражаемыхъ словами образованіе, просвѣщеніе, воспитаніе въ широкомъ смыслѣ слова, и т. д., потому что этимъ содержаніемъ опредѣляются и средства, коими школа достигаетъ своихъ цѣлей. Прежде чѣмъ высказать свое личное мнѣніе, мы переберемъ нашихъ писателей, беря у нихъ лишь то, что относится къ избранной нами темѣ, и, излагая ихъ взгляды, будемъ придерживаться ихъ собственной терминологіи. При этомъ мы увидимъ, что хотя они и не даютъ опредѣленій, по ясности своей равныхъ геометрическимъ, хотя они и держатся разной терминологіи, но взгляды свои на дѣло наставника высказываютъ съ достаточною полнотою, чтобы быть понятыми читателемъ.

II.

Начнемъ съ Л. Н. Толстого, занимающаго среди педагоговъ-писателей свое особое мѣсто.

«Воспитаніе, говоритъ онъ ¹⁾, есть *принудительное, насильственное* воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлью образовывать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ; а образованіе есть *свободное* отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного приобрѣтать свѣдѣнія, а другого—сообщать уже приобрѣтенное имъ. Преподаваніе—*Unterricht*—есть средство какъ образованія, такъ и воспитанія. Различіе воспитанія отъ образованія только въ насиліи, право на которое признаетъ за собою воспитаніе. Воспитаніе есть образованіе насильственное. Образованіе свободно». «Образованіе въ обширномъ смыслѣ, по нашему (Л. Толстого) убѣжденію, составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя *развиваютъ* человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія родителей, книги, работы, ученіе насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь—все образуетъ» ²⁾. «По понятіямъ педагога-теоретика воспитаніе есть дѣйствіе одного человѣка на другого и включаетъ въ себя три дѣйствія: 1) нравственное или насильственное вліяніе воспитателя,—образъ жизни, наказанія; 2) обученіе и преподаваніе, и 3) руководство жизненными вліяніями на воспитываемаго» ³⁾.

Опредѣленія эти не отличаются ясностью, и разобратъ въ ихъ смыслѣ не совсѣмъ легко. Самъ Л. Толстой указываетъ, что различіе между образованіемъ и воспитаніемъ заключается *только* въ томъ, что первое свободно, а второе насильственно. Но когда вы обращаетесь къ тому нѣчто, что въ одномъ случаѣ свободно, а въ другомъ насильственно, то оказывается, что оно

¹⁾ Соч. Л. Толстого, т. IV, стр. 112. Слѣдовало бы сличить статьи этого тома съ позднѣйшими его произведеніями, въ которыхъ онъ часто высказывается иначе, чѣмъ высказывался въ Ясно-Полянскомъ періодѣ, но ограничиваемся IV томомъ, гдѣ мысли его выражались полнѣе и опредѣленнѣе.

²⁾ *Иб.* стр. 111.

³⁾ *Иб.* стр. 110.

тамъ и тутъ различно: прилагательное свободный относится къ приобрѣтенію свѣдѣній, а насильственный къ—образованію хорошаго человѣка. Очевидно, эти два понятія различаются не однимъ тѣмъ признакомъ, на который указалъ Л. Толстой. Далѣе, онъ признаетъ, что понятіе образованія можетъ быть понимаемо и въ болѣе широкомъ, и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Приобрѣтеніе свѣдѣній отъ учителя—тѣсный смыслъ; опять таки приобрѣтеніе свѣдѣній, затѣмъ расширеніе міросозерцанія и наконецъ развитіе—болѣе обширный смыслъ. Притомъ всѣ эти приобрѣтенія берутся уже не отъ одного учителя, а изъ всевозможныхъ источниковъ. Вы понимаете, вѣроятно, такъ, что образованіе въ широкомъ смыслѣ слова сводится все же къ приобрѣтенію свѣдѣній, и потому нѣсколько недоумѣваете касательно свѣдѣній, которыя можно извлечь изъ страданій, наказаній и т. д. Вы невольно предполагаете, что тутъ рѣчь не о свѣдѣніяхъ только, а и чувствахъ, испытываемыхъ при страданіяхъ и наказаніяхъ, тѣмъ болѣе что «развитіе», «міросозерцаніе» тоже склоняютъ васъ къ мысли, что рѣчь идетъ не объ однихъ свѣдѣніяхъ. Но тогда понятіе, прибрѣтая болѣе широкой смыслъ, утрачиваетъ свою первоначальную фізіономію. Выражаясь языкомъ логики, понятіе съ увеличеніемъ объема не утратило часть признаковъ, а напротивъ прибрѣло нѣсколько новыхъ.

Понятія образованіе и воспитаніе остались не различенными по существу. Что касается тѣхъ пунктовъ, о которыхъ особенно хлопоталъ Л. Толстой, то ихъ можно приложить и къ тому, и къ другому. И воспитаніе можно брать для разсмотрѣнія какъ въ тѣсномъ, такъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ, и образованіе тоже. И воспитаніе можетъ быть и свободно, и насильственно, и образованіе тоже.

Давая эти опредѣленія, Л. Толстой, вѣроятно, не смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на теоретическую работу и едва-ли заботился удовлетворить требованіямъ логики. Его цѣль была практическая: выяснить, что должна взять на себя *школа* и чего ей брать на себя не слѣдуетъ. И мысль его вамъ понятна, какъ понятно и то, съ кѣмъ онъ борется. Въ пѣмецкихъ педагогикахъ, напр., у Бенеке, такъ именно и говорится: «Воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова есть преднамѣренное дѣйствіе со

стороны взрослых людей на юношество, съ цѣлью возведенія его на ту высшую степень развитія, на которой они сами находятся» (I, 3). Толстой желалъ бы, чтобъ этого рода воздѣйствія совсѣмъ не имѣли мѣста въ школѣ. Перечисляя факторы, которые могутъ содѣйствовать свободному образованію, онъ не называетъ бесѣды съ человѣкомъ. Но, понятно, что еслибъ кто-нибудь по свободному выбору обратился къ нему за совѣтомъ, какъ ему поступить, какъ разрѣшить свои сомнѣнія, онъ не отказалъ бы ему въ нравственной помощи. Такого рода свободное общеніе людей имѣеть мѣсто въ жизни, но его нельзя организовать, нельзя привязать къ школѣ. Школѣ, строящейся на свободныхъ отношеніяхъ учащихся къ учащимъ, отвергающей «принудительное воздѣйствіе» какого бы то ни было рода, остается только учить, и мысль свою объ этомъ Л. Толстой выражаетъ ясно и категорично. Онъ говоритъ:

«Школа должна имѣть одну цѣль—передачу свѣдѣній, знанія (instruction), не пытаюсь переходить въ нравственную область убѣжденій, вѣрованія и характера; цѣль ея должна быть одна—наука, а не результаты ея вліянія на человѣческую личность. Школа не должна пытаться предвидѣть послѣдствій, производимыхъ наукой, а передавая ее, должна предоставлять полную свободу ея примѣненія. Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ необходимыми, а должна передавать тѣ знанія, которыми владѣеть, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ» ¹⁾.

Черезъ нѣсколько страницъ Л. Толстой дѣлаетъ такое замѣчаніе:

«Нельзя запретить человѣку, любящему и читающему исторію, пытаться передать своимъ ученикамъ то историческое возрѣніе, которое онъ имѣеть, которое онъ считаетъ полезнымъ, необходимымъ для развитія человѣка, передать тотъ методъ, который учитель считаетъ лучшимъ при изученіи математики или естественныхъ наукъ, напротивъ, это предвидѣніе воспитательной цѣли поощряетъ учителя. Но дѣло въ томъ, что воспитательный элементъ науки не можетъ передаваться насиль-

¹⁾ Л. Толстой (Прогрессъ и опредѣленіе образованія, стр. 149—150.

ственно». «Воспитательный элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ея, въ отношеніи учителя къ ученику. Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ; но самъ не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія» ¹⁾.

Это замѣчаніе Л. Толстого читатель, вѣроятно, признаетъ вѣрнымъ. Можетъ быть, онъ, читатель, признаетъ воспитательнымъ элементомъ не то, что признаю я, потому что не такъ понимаетъ слово воспитаніе вообще, какъ я, но разница между нами навѣрное не существенная. Но если онъ попытается вникнуть въ смыслъ этого замѣчанія, держась опредѣленій Л. Толстого, то опять испытаетъ, что они только сбиваютъ его съ толку.

Воспитаніе исторіей, воспитаніе научнымъ методомъ никоимъ образомъ нельзя подвести подъ «насильственное воздѣйствіе». Оно непременно свободно, это и самъ онъ говоритъ. Далѣе, оно развиваетъ человѣка, говоритъ Л. Толстой, но развитіе у него входитъ въ область образованія, а не воспитанія. Воспитаніе не должно входить въ вѣдѣніе школы, а между тѣмъ «предвидѣніе воспитательной цѣли», достигаемой наукой, «поощряетъ учителя». Зачѣмъ же тогда лишать его этого средства, и Л. Толстой не отнимаетъ его, хотя дѣло идетъ о ненавистномъ ему воспитаніи, которое будто бы можетъ быть только насильственно...

Пиша эти строки, Л. Толстой, вѣроятно, разумѣлъ, что образованіе имѣетъ въ виду не одно приобрѣтеніе свѣдѣній, не одинъ разумъ, а затрогиваетъ и чувство, что воспитаніе можетъ быть не только преднамѣренное, а и произвольное—путемъ среды, жизни, и вовсе не думалъ, что ему надо не впасть въ противорѣчіе со своимъ искусственнымъ опредѣленіемъ понятій: воспитаніе и обученіе.

¹⁾ Л. Толстой прогрессъ и опредѣленіе образованія, стр. 152—153.